

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-114-122>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. О. А. Туфанова

г. Москва, Россия

РАССКАЗЫ ОБ УБИЙСТВЕ ПРОКОПИЯ ЛЯПУНОВА В СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННОК О СМУТЕ

Аннотация: В статье анализируются художественные особенности рассказов об убийстве в 1611 г. одного из руководителей Первого народного ополчения Прокопия Петровича Ляпунова. Во многих русских и иностранных сочинениях современников о Смуте мотив убийства представлен либо традиционными средствами через апелляцию к дьявольскому наущению, либо через низменные человеческие стремления и желания, либо через попытку восстановить причинно-следственную документальную связь между событиями, либо чередой предположений. На этом фоне особняком стоит философско-литературный рассказ об убийстве воеводы, изложенный Элиасом Геркманом в «Историческом повествовании...». Для каждого элемента в данной криминальной истории Геркман находит соответствующую параллель в древнегреческой истории. В большинстве же русских текстов авторы и редакторы только констатируют факт убийства и довольно быстро переходят к рассказу о чувствах людей в связи с этим событием. В тех же редких памятниках, где приводится сравнительно подробный рассказ о криминальной истории, кардинально изменившей судьбу Первого народного ополчения, повествование носит явный отпечаток создания официальной версии произошедших событий, следствием чего является применение приема умолчания, не отменяющего при этом стремления правдиво, близко к реальности поведать об убийстве рязанского воеводы.

Ключевые слова: Прокопий Ляпунов, убийство, сочинения современников о Смуте, рассказ.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>. E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.01.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Туфанова О. А. Рассказы об убийстве Прокопия Ляпунова в сочинениях современников о Смуте // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 114–122. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-114-122>

Древнерусская литература первой трети XVII столетия, посвященная событиям Смуты, хранит немало криминальных историй. Одна из них — это убийство 22 июля (4 августа) 1611 г. рязанского воеводы, одного из руководителей Первого народного ополчения Прокопия Петровича Ляпунова.

Потомки высоко оценили его личность и деятельность¹. Например, Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» назвал его «Героем своего времени» [5, с. 585]. А современный исследователь В. Д. Назаров отметил: «Феномен П. Ляпунова — уникальный в истории Смуты, да и российской истории XVI–XVII вв. факт становления общенационального дворянского лидера <...>, обусловленный его происхождением, местом и временем действия, личными качествами» [9, с. 223].

Но так ли высоко оценивали его личность современники? Обращение к источникам обескуражило. Нам удалось выявить всего два памятника, текстуально близких друг другу, в которых авторы неоднократно употребляли по отношению к рязанскому воеводе высокие, восхваляющие эпитеты. Это «Летописная книга», в которой читаем: «Той же бодренный и разсмотрительный воевода, всего московского воинства властель» [15, с. 410]; «изряднаго властеля воеводу Прокофья Ляпунова...» [15, с. 412]; «...славный сей бодренный воевода Прокофей» [15, с. 414]. И созданная на ее основе «Рукопись Филарета», в которой почти дословно повторяется эта же характеристика: «...на сего изряднаго властеля и воеводу Прокофья Ляпунова, и воспоминанія его изряднаго и мужественнаго ополченія <...> славный сей и бодренный воевода Прокофей Ляпуновъ» [12, с. 52–53]; «Московского воинства изрядный властель...» [12, с. 54] (аналогично — в Хронографе Сергея Кубасова).

Чуть шире круг источников, в которых современники зафиксировали факт убийства воеводы в казачьем кругу. Но степень развернутости повествования об этом событии в них разная.

В рамках статьи остановимся на самых ярких в художественном отношении памятниках и моментах этой истории.

Автор «Рукописи Филарета», следуя хорошо известным литературным традициям средневековой письменности, вводит трансцендентный мотив зависти: «...позавидѣ дьяволъ сему настоящему дѣлу (имеются в виду первые успехи ополчения. — О. Т.), изрядному ополчителю: той вышепомянутый Иванъ Зарутцкой дьяволимъ наученіемъ, воспрія въ мысль свою, да научить казаковъ на Прокофья и повелить его убить...» [12, с. 52]. И далее конкретизирует: «...да воспріиметь власть надъ войскомъ единь...» [12, с. 52]. Причиной задуманного убийства мыслится внушенная дьяволом зависть к власти над ратными и к победам талантливого воеводы.

Подобная трактовка содержится и в «Летописной книге», и отчасти в «Мемуарах русской истории» Арсения Елассонского, с той небольшой разницей, что авторы «Рукописи Филарета» и «Летописной книги» завязку сюжета создают в соответствии с литературным каноном (достаточно вспомнить хотя бы один из самых первых образцов подобного объяснения организации преступления, а именно убийство Святополком Окаянным братьев Бориса и Глеба), а архиепископ предлагает целый список возможных объяснений произошедшего: «...или по воле Божьей, или по грехам нашим, или по зависти дьявольской, или по человеческой глупости, главнокомандующий Прокопий Ляпунов <...> был изрублен...» [3, с. 192].

¹ Сегодня благодаря исследованиям коллег-историков создана родословная рода Ляпуновых, прослежена деятельность Прокопия во время Смуты, восстановлена история его убийства в казачьем кругу. См.: [2; 6; 7; 8; 9; 13].

В «Хронографе 1617 года» тоже звучит мотив зависти: «...московской служивой ротмистрь пань Иван Заруцкой <...> чести позавиде Прокофиевѣ и злую крамолу на нь сотвори» [4, с. 352], — но здесь нет апелляции к дьяволу, и это приближает текст «Хронографа» к другим русским текстам, в которых отсутствует типичный трансцендентный мотив зависти и авторы (или редакторы) объясняют убийство сугубо низменными движениями человеческой души. Так, например, согласно «Пискаревскому летописцу», казаки убивают Прокопия Ляпунова, поскольку он «почал» их от «великого воровства унимати <...>: казнити и вешати, и в воду сажати» [11, л. 666 об., с. 217]. Имя Ивана Заруцкого упоминается и в этом памятнике: «по научению вора Ивашка Заруцкого его убили» [11, л. 666 об., с. 217], — но ни слова не говорится об эгоистичном желании единоличной власти у последнего и, как следствие, желании устранить конкурента, в отличие от «Нового летописца», в котором эта тема открывает повествование об убийстве.

В начале главы «О приговоре всей земли и убиении Прокофия Ляпунова» составитель «Нового летописца» максимально сгущает краски, все руководители жаждут единоличной власти: «В тех же начальниках была [между собой] великая ненависть и гордость: друг перед другом честь и начальство получить желали, один другого не хотел быть меньше, всякому хотелось самому властвовать» [10, с. 360]. И особенно, по мнению составителя, «Прокопий Ляпунов не по мере вознесся и гордостью был обуян» [10, с. 360]. Но не за гордыню, как выясняется дальше, убивают его. Доведенные до отчаяния ратные люди, «помиравшие» под Москвой из-за голода и грабежей казаков, которым дал волю Заруцкий, отправили челобитную начальникам. Ляпунов в ответ велел написать «приговор», чтобы унять казаков. И с этого момента князь Трубецкой и воевода Заруцкий и «начали думать против Прокофия, как бы его убить» [10, с. 360].

Таким образом, мотив убийства в разных текстах представлен либо традиционными средствами через апелляцию к дьявольскому наущению, либо через низменные человеческие стремления и желания, либо через попытку восстановить причинно-следственную документальную связь между событиями, либо чередой предположений.

На этом фоне особняком стоит философско-литературный рассказ об убийстве воеводы, изложенный Элиасом Геркманом в «Историческом повествовании...». Для каждого элемента в этой криминальной истории Геркман находит соответствующую параллель — но не в библейской, а в древнегреческой истории. Поэт вспоминает, что Квинт Курций и Плутарх в жизнеописании Александра Великого рассказывали, что «он приказывал убивать тех, которые порицали его за дурные поступки...» [1, с. 256], и приводит стих Гомера со ссылкой на осужденного Каллисфена:

Это некогда стоило жизни Патрокла, который
превосходил его и честью, и добродетелью!

[1, с. 256]

Сквозь эту призму и оцениваются странные, порой необъяснимые с точки зрения здравой логики события Смуты в Московском государстве и, в частности, многие истории убийств: «Когда [у москвитян], — пишет Геркман, — был хороший начальник или предводитель, они из ненависти (за то, что стяжал себе уважение народа своим благоразумным управлением) тотчас старались погубить его» [1, с. 256]. И далее продолжает: «Так случилось и с Прокопием Ляпуновым. Он был искренне предан своему делу и держал свое войско в строгом повиновении и порядке. <...> Заруцкий, напротив,

содержал своих казаков грабежом» [1, с. 256]. Исполняя, согласно тексту, поручение князя Трубецкого, рязанский воевода подверг казаков Заруцкого наказанию и «приказал ему впредь держать их в более строгом повиновении. Это очень оскорбило Заруцкого, и он возымел такую ненависть к Ляпунову, что стал грозить ему смертью» [1, с. 257]. Ставя финальную точку в приведенной мотивировке убийства, Геркман еще раз обращается к словам Каллисфена, но теперь уже вкладывает перефразированный стих Гомера в уста Ляпунова:

За это заплатились жизнью Скопин и многие другие,
Превосходившие его и честью, и добродетелью.
[1, с. 257]

Мотивом для убийства, по мнению голландского поэта, стало желание Заруцкого отомстить Прокопию Ляпунову. Этот мотив ни разу не прозвучал прямо ни в одном из русских текстов, хотя опосредованно и в них авторы и редакторы, излагая шаг за шагом ход событий, подвели читателей к этой мысли. И здесь, следовательно, мы сталкиваемся с совершенно новым, едва просматриваемым через традиционные приемы способом объяснения поступков исторических лиц в ряде текстов.

Перейдем к сцене убийства. В большинстве памятников авторы только констатируют сам факт убийства, но каждый — сообразно своим литературным пристрастиям. Так, автор «Нового летописца» стремится к протокольной точности [10, с. 360–361]. Арсений Елассонский, пораженный до глубины души произошедшим, пишет, что Прокопий Ляпунов «неожиданно, как разбойниками и дикими зверями, был изрублен» казаками «на многие части на глазах народа» [3, с. 192]. Автор «Хронографа 1617 года» ведет рассказ о событиях, как и архиепископ Арсений, в рамках традиционной, привычной для древнерусского читателя в подобных ситуациях образности: «И преданъ бысть въ кровоядныя руцѣ злочинному сонмищу, идѣже без зла не спясть. Сии же немилостиво, аки волцы, возхитиша и лице поля кровию его очервлениша» [4, с. 352].

Автор же «Рукописи Филарета» довольно подробно рассказывает о том, как Иван Заруцкий, обуреваемый желанием единоличной власти над войском, разворачивает целую подготовительную кампанию². Он «нача напущати казаковъ на Прокофья, и наряди грамоты ссыльные съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ; и тако за ссылкойю изъ города отъ Литвы велѣлъ ихъ выдати, будто Прокофей съ ними своими грамоты сылаетца, а хочеть христособраніе воинство, Литовскимъ людемъ въ руцѣ предати и самъ къ нимъ пріобщится» [12, с. 52]. О грамотах от Прокопия, которые в действительности написали начальники, упоминает и автор «Нового летописца», но делает акцент на ином их содержании — повелении убивать казаков, — используя безымянную форму («...и начальники их думу знали, написали грамоту...» [10, с. 361]). По сути, разными способами авторы «Нового летописца» и «Рукописи Филарета» демонстрируют приемы манипулирования сознанием казаков во имя личных целей и способы подстрекательства к убийству.

Расчет Заруцкого, согласно «Рукописи Филарета», оправдался: распространенные среди казаков фальшивые грамоты за подписью П. Ляпунова, якобы задумавшего предать воинство Литве, возымели свое действие — «и наполнишась людіе гнѣва и ярости» [12, с. 52], и «собрався воинство на уреченное мѣсто, еже есть въ крунь, по казатцкому обычаю...» [12, с. 53]. В этот круг и был приглашен Ляпунов. Сцена расправы

² Подробнее анализ эпизода в контексте иных рассказов об убийствах в «Рукописи Филарета» см.: [14, с. 355–363].

с воеводой напоминает скорый военно-полевой суд. Казаки «въ разгореніи мысли своя, начаша его (П. Ляпунова. — О. Т.) обличати виновными дѣлы и измѣною, и грамоты въ войскѣ честь, яжъ Ивашко наредя, и по семь яростные на него нападаютъ и трупы его на части раздѣляютъ, и въ скоромъ часѣ смерти горкія предають» [12, с. 53].

Автор сосредоточивает внимание на чувствах казаков, которые вершат суд и убивают воеводу под воздействием сильной эмоции гнева. Сначала фальшивые грамоты разожгли в них «гнѣвъ и ярость» [12, с. 52], в казацком кругу они «въ разгореніи мысли своя» обвиняют Прокофия, а затем «яростне на него нападаютъ» [12, с. 53]. В скорой, под влиянием гнева и ярости, напрасной расправе обвиняет казаков после убийства «нѣкто отъ честныхъ дворянинъ» [12, с. 53], который «нача имъ разсужати, дабы не дерзостне сотворили, но со испытаніемъ, дабы напрасно крови неповинные не пролить...» [12, с. 53].

Видя неправоту казаков, согласно «Новому летописцу», за Ляпунова вступился Иван Ржевский, который, хоть и «был ему недруг великий, а тут, видя его правду, за него встал и умер вместе с ним» [10, с. 361]. Н. М. Карамзин весьма высокопарно оценил этот поступок Ржевского как «жертву единственную, но драгоценную, в честь Героя своего времени» [5, с. 585].

Не менее высокопарно, но с долей цинизма, с какой описывал все происходящие в Московском государстве события, рассказал об убийстве Элиас Геркман. По его словам, Заруцкий внушил казакам мысль, что Ляпунов — «изменник» и «главный виновник запрещения» грабежей [1, с. 257]. Ожесточенные казаки «сошлись вместе и напали на Ляпунова в его шатре», тот «поспешно вскочил и схватил свою саблю, чтобы защитить себя» [1, с. 257]. И шатер, и сабля — все это выдуманные Геркманом детали, которых нет ни в одном русском источнике. И далее, верный своему принципу находить поэтические и прозаические аналогии описываемому, голландский поэт снова заставляет философствовать (в момент убийства!) рязанского воеводу:

Он мог бы повторить с Клитом следующий стих Эврипида:

«О, как испорчены в России нравы!»

[1, с. 257]

А затем, вообще вне всякой логики, Прокопий Ляпунов, согласно его тексту, «видя, что на него напала такая толпа казаков, которая была в состоянии все уничтожить и изрубить, бросил свой меч и отдал себя на растерзание разъяренным зверям, и [казаки] немедленно рассекли его на куски» [1, с. 257]. И шатер, и множество жаждающих крови, и демонстративное принятие смерти — все это детали повествования, знакомые по совершенно иному тексту — «Сказанию об убийстве Бориса и Глеба». Сложно сказать, был ли голландскому поэту известен этот текст, но он явно опирался не только на древнегреческие тексты при создании повествования о русской Смуте. Однако именно пафосные сцены из древней литературы вдохновили его на завершающий пассаж о том, что Ляпунов «имел полное право подобно Солону», заметившему, что «напрасно защищает город Афины против Писистрата», сложить «оружие пред Акрополем» и сказать: «О Отечество, я защищал тебя и словом и делом!» [1, с. 257]. И так был «вознагражден», иронично замечает Элиас Геркман, «за свою верную службу отечеству» Прокопий Ляпунов [1, с. 257].

Таким образом, описание убийства в «Историческом повествовании...» Э. Геркмана, пожалуй, самый поэтический и самый невероятный рассказ об убийстве рязанского воеводы. В большинстве же русских текстов авторы и редакторы только кон-

статируют факт убийства и довольно быстро переходят к рассказу о чувствах людей в связи с этим событием. В тех же редких памятниках, где приводится сравнительно подробный рассказ о криминальной истории, кардинально изменившей судьбу Первого народного ополчения, повествование носит явный отпечаток создания официальной версии произошедших событий, следствием чего является применение приема умолчания, не отменяющего при этом стремления правдиво, близко к реальности поведать об убиении воеводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // *Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец».* М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 211–262.
- 2 *Горбачев П. О.* Прокопий Ляпунов — русский политический и военный деятель начала XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. 215 с.
- 3 *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // *Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец».* М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–204.
- 4 *Из хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева.* М.: Худож. лит., 1987. С. 318–357.
- 5 *Карамзин Н. М.* История государства Российского / примеч. А. М. Кузнецова. Калуга: Золотая аллея, 1997. Т. IX–XII. 592 с.
- 6 *Кирпичников И. А.* «Воевода и властель резанские страны»: Рязань под управлением Прокопия Ляпунова // *Человеческий капитал.* 2020. № 1 (33). С. 11–16. DOI: 10.25629/НС.2020.01.01
- 7 *Козляков В. Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени // *Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова.* Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2011. С. 3–10.
- 8 *Козляков В. Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // *Четвертые Яхонтовские чтения. Мат. межрегион. научно-практической конф.* Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2008. С. 368–372.
- 9 *Назаров В. Д.* Феномен П. П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // *Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Мат. научн. конф., СПб, 12–14 октября 2012 г.* СПб.: Изд-во исторического факультета СПбГУ, 2012. С. 212–223.
- 10 *Новый летописец // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец».* М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 263–410.
- 11 *Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей.* М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 31–220.
- 12 *Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси.* М.: В тип. Лазаревых Ин-та восточных языков, 1837. [2], X, 79 с., 6 л. ил.
- 13 *Соколов А. С.* К вопросу о формировании Первого земского ополчения на Рязанской земле // *Гуманитарный вестник.* 2016. Вып. 6. С. 1–9. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-06-368>

- 14 Туфанова О. А. Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5
- 15 Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 358–427.

© 2021. Olga A. Tufanova
Moscow, Russia

STORIES ABOUT THE MURDER OF PROKOPY LYAPUNOV IN CONTEMPORARIES WRITINGS ON THE TIME OF TROUBLES

Abstract: The paper explores artistic features of stories about the murder of Prokopy Petrovich Lyapunov, a head of the First volunteer corps, in 1611. Many Russian and foreign contemporary writings on the Time of troubles introduce the motif of the murder through traditional means appealing to devilish instigation or through sordid desires and intentions, or attempting to trace cause-effect documentary links between the events or by making a series of assumptions. A philosophical and literary story about the murdering of commander as expounded by Elias Herkman in “Historical narrative...” stands apart against this background. For each element of the criminal story Herkman finds a corresponding parallel in ancient Greek history. Whereas in most Russian texts authors and editors only acknowledge the fact of murder and fairly easily move on to the account on people’s sentiments related to the event. As for those rare monuments, that give relatively detailed account on the criminal story, which cardinally changed the fate of the First volunteer corps, narration bears a clear imprint of displaying official version of the events in question, that led to the use of omission method, not dismissing the intention of truthfully telling about the murder of Ryazan` commander.

Keywords: Prokopy Lyapunov, murder, writings of contemporaries about the Troubles, a story.

Information about the author: Olga A. Tufanova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>. E-mail: tufoa@mail.ru

Received: January 12, 2021

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Tufanova O. A. Stories about the murder of Prokopy Lyapunov in contemporaries writing on the time of troubles. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 114–122. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-114-122>

REFERENCES

- 1 Gerkman E. Istoricheskoe povestvovanie o vazhneishikh smutakh v gosudarstve Russkom, vinovnikom kotorykh byl tsarevich kniaz' Dimitrii Ivanovich, nespravedливо nazyvaemyi samozvantsem [Historical narration on the most important troubles in the Russian state, the culprit of which was the prince Dimitri Ivanovich, unjustly called an

- impostor]. In: *Khroniki Smutnogo vremeni / Konrad Bussov. Arsenii Ellassonskii. Elias Gerkman. "Novyi letopisets"* [Chronicles of the Time of Troubles / Konrad Bussov. Arseny Ellassonsky. Elias Herkman. "New Chronicler"]. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 1998, pp. 211–262. (In Russian)
- 2 Gorbachev P. O. *Prokopii Liapunov — russkii politicheskii i voennyi deiatel' nachala XVII v.* [Prokopy Lyapunov — Russian political and military leader of the early 17th century: PhD thesis]. Kursk, 1999. 215 p. (In Russian)
- 3 Ellassonskii A. *Memuary iz russkoi istorii* [Memoirs from the Russian history]. In: *Khroniki Smutnogo vremeni / Konrad Bussov. Arsenii Ellassonskii. Elias Gerkman. "Novyi letopisets"* [Chronicles of the Time of Troubles / Konrad Bussov. Arseny Ellassonsky. Elias Herkman. "New Chronicler"]. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 1998, pp. 163–204. (In Russian)
- 4 *Iz khronografa 1617 goda* [From the chronograph of 1617]. In: *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Literature Monuments of the Ancient Rus: End of the 16th – beginning of the 17th centuries], introductory article D. Likhachev; compilation and general revision L. Dmitriev and D. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 318–357. (In Russian)
- 5 Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian state], note by A. M. Kuznetsov. Kaluga, Zolotaia alleia Publ., 1997. Vol. IX–XII. 592 p. (In Russian)
- 6 Kirpichnikov I. A. "Voevoda i vlastel' rezanskie strany": Riazan' pod upravleniem Prokopii Liapunova ["Voivode and ruler of the Rezan countries": Ryazan under the control of Procopius Lyapunov]. *Chelovecheskii kapital*, 2020, no 1 (33), pp. 11–16. DOI: 10.25629/HC.2020.01.01 (In Russian)
- 7 Kozliakov V. N. *Pervoe opolchenie v istorii Smutnogo vremeni* [The first volunteer corps in the history of the Time of Troubles]. In: *Smutnoe vremia i zemskie opolcheniia v nachale XVII v. K 400-letiiu sozdaniia Pervogo opolcheniia pod predvoditel'stvom P. P. Liapunova* [Time of Troubles and zemstvo militias at the beginning of the 17th century. To the 400th anniversary of the creation of the First Militia under P. P. Lyapunov]. Ryazan, Riazanskii istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik Publ., 2011, pp. 3–10. (In Russian)
- 8 Kozliakov V. N. *Rod dvorian Liapunovykh v XVI–XVII vekakh* [The genus of the Lyapunov nobles in the 16th–17th centuries]. In: *Chetvertye Iakhontovskie chteniia. Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fourth Yakhontovskie readings. Proceedings of the interregional scientific-practical conference]. Ryazan, Izdatel'stvo Riazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeia-zapovednika Publ., 2008, pp. 368–372. (In Russian)
- 9 Nazarov V. D. *Fenomen P. P. Liapunova: provintsial'noe dvorianstvo i politicheskaiia bor'ba v gody Smuty* [The phenomenon of P. P. Lyapunov: provincial nobility and political struggle during the Time of Troubles]. In: *Smutnoe vremia v Rossii: konflikt i dialog kul'tur. Materialy nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 12–14 oktiabria 2012 g.* [Time of Troubles in Russia: conflict and dialogue of cultures. Proceedings of the scientific conference, St. Petersburg, October 12–14, 2012]. St. Petersburg, Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2012, pp. 212–223. (In Russian)
- 10 *Novyi letopisets* [New chronicler]. In: *Khroniki Smutnogo vremeni / Konrad Bussov. Arsenii Ellassonskii. Elias Gerkman. "Novyi letopisets"* [Chronicles of the Time of

- Troubles / Konrad Bussov. Arseny Elassonsky. Elias Herkman. "New Chronicler"]. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 1998, pp. 263–410. (In Russian)
- 11 Piskarevskii letopisets [Piskarevsky chronicler]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1978, vol. 34, pp. 31–220. (In Russian)
- 12 *Rukopis' Filareta, patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi* [Manuscript of Filaret, Patriarch of Moscow and All Russia]. Moscow, V tipografii Lazarevykh Instituta vostochnykh iazykov Publ., 1837. [2], X, 79 p., 6 l. il. (In Russian)
- 13 Sokolov A. S. K voprosu o formirovanii Pervogo zemskogo opolcheniia na Riazanskoj zemle [On the issue of the First national militia formation on the Ryazan land]. *Gumanitarnyi vestnik*, 2016, no 6, pp. 1–9. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-06-368> (In Russian)
- 14 Tufanova O. A. *Drevnerusskaia literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [Old Russian Literature on the Time of Troubles as an artistic phenomenon]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 576 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5 (In Russian)
- 15 Shakhovskoi S. I. Letopisnaia kniga [Chronicle book]. In: *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Literature Monuments of the Ancient Rus: End of the 16th – beginning of the 17th centuries], introductory article by D. Likhachev; compilation and general revision L. Dmitriev and D. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 358–427. (In Russian)